

Ф. И. Бальдауф

ВЕЧЕР НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА

Я не забыл мечты,
 Которые душа моя питала,
 Средь грозных ужасов и дикой красоты
 На берегах угрюмого Байкала.
 Я живо помню их: оне
 Везде унылого певца сопровождают –
 И в отдаленной стороне
 Минуты скорби окрыляют.
 Был вечер – и кругом по дремлющим скалам
 Ночные тени расстилались:
 И небо, и берега, и одинокий храм
 В пучине зыбкой колебались;
 Порою в сумраке темнеющих небес,
 В туманах кроясь, появится ветрило...
 Я думал: рано ты, волшебный сон, исчез
 И рано, сердце, ты заныло!
 Быть может, зашумят с зарею паруса
 В прохладной неге надо мною,
 И тихо, тихо вы, родимые леса,
 Покроетесь туманной пеленою...
 Напрасно странника осиротелый взор
 К вам с теплою мольбою устремится:
 Он встретит голые верхи набережных гор,
 И сердце бедное в унынье погрузится...
 Куда ведет меня угрюмая судьба?
 Что бесприютного в чужбине ожидает?
 Почто в душе моей свирепая борьба
 Живых страстей не умолкает?...
 Где кровные мои?... Шуми, шуми, Байкал!
 И голос заглуши природы;
 Я невозвратно потерял
 Младенчества невидимые годы.
 Их нет уже со мной; но сладок был закат
 Души погибших наслаждений;
 Они теперь мне предстоят,
 Как ряд бесчисленных знакомых
 привидений.
 Но ах! Увижу ль я опять роскошный брег?

Знать, друга ждет,
 Синеет даль;
 Он к сердцу жмет
 Литую сталь.
 "Ты, дубравушка зеленая,
 Ты зачем так расшумелася?
 Ветры злые, ветры буйные!
 Не бросайте листья желтые
 На тропу уединенную,
 Чтоб красавица в густом лесу
 Не замешкалась, блуждаючи", –
 Пел казак, поэт, рыдаючи.

БУРЯТКЕ

Люблю я странный твой наряд,
 Твои неловкие движенья,
 Люблю я твой нескромный взгляд
 И чуждой речи выражение.
 Я помню лето...
 Знойный день
 Стоял над дикою пустыней,
 Как над запуганной рабыней
 Властитель грозный.
 Листьев тень